

М. В. Шкаровский

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В ПЕРИОД АНТИРЕЛИГИОЗНЫХ ГОНЕНИЙ 1958–1964 гг.

Массовые антирелигиозные гонения 1958–1964 гг. имели цель и ликвидацию духовного образования Русской Православной Церкви. В связи с этим были закрыты пять из восьми семинарий. Серьезная угроза нависла и над Ленинградскими Духовными школами: Академией и семинарией. Советские власти пытались их закрыть, начиная с 1961 г., но особенно активно в 1963–1964 гг. Духовные школы спас митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, пригласив учиться в них африканцев. Хотя антирелигиозные гонения 1958–1964 гг. нанесли серьезный удар по религиозности молодежи, они не смогли полностью подорвать влияние Церкви в ее среде, и это стало основой для нового развития Духовных школ.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Санкт-Петербургская Духовная Академия, антирелигиозные гонения, митрополит Никодим.

Последние в советской истории массовые антирелигиозные (так называемые «хрущевские») гонения 1958–1964 гг. имели цель и ликвидацию духовного образования Русской Православной Церкви. В связи с этим были закрыты пять из восьми семинарий. Серьезная угроза нависла и над Ленинградскими Духовными школами: Академией и семинарией.

Следует упомянуть, что середина 1950-х гг. была относительно благоприятным временем для Русской Православной Церкви, и духовное образование в тот период успешно развивалось. К 1958 г. богословские учебные заведения достигли пика развития за послевоенное время, число учащихся в двух Академиях и восьми семинариях в сравнении с 1951 г. выросло

Михаил Витальевич Шкаровский (Санкт-Петербург) — доктор исторических наук, профессор кафедры истории церкви Санкт-Петербургской Духовной Академии, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

с 705 до 1780. Еще в большей степени увеличилось количество учащихся в самых крупных Ленинградских Духовных школах: до 248 на дневном отделении и 500 заочников.¹

Духовные школы города св. апостола Петра во многом были ведущими в стране. Там было не только самое большое количество учащихся и преподавателей, он и действовал единственный в стране заочный сектор. В Академии в то время преподавали известные церковные деятели: протоиереи Виталий Боровой, Ливерий Воронов, Иоанн Белёвцев будущие митрополиты Леонид (Поляков), Владимир (Котляров) и др.² Всего же к 1958 г. в корпорацию входили 7 профессоров, 9 доцентов и 9 преподавателей.

В связи со значительным увеличением учащихся существовавший и ранее недостаток помещений Духовных школ резко обострился. Кроме того, была расширена и располагавшаяся при Академии епархиальная производственная мастерская: в мае 1956 г. в ней было открыто производство ладана, в июне 1956 г. — производство кадильного угля, 28 ноября 1958 г. начато изготовление иконок на фарфоре, а 21 января 1958 г. открыто пошивочное производство церковных облачений.³

Однако осенью 1958 г. начались гонения на Церковь, и с этого времени начали наноситься сильнейшие удары по семинариям и Академиям. Государство стремилось сократить число учащихся Духовных школ. Юношей, подавших прошения о приеме на учебу, вызывали к себе местные уполномоченные, партийные и комсомольские деятели, работники КГБ и военкомата и различными способами, вплоть до отбирания паспортов, удерживали их от поступления. Кроме того, давили и на приходских священников, дававших рекомендации абитуриентам.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6991, оп. 2, д. 258, л. 52, 46–74; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 5, оп. 16, д. 704, л. 2–3.

² Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир: К 70-летию со дня рождения // Христианское чтение. 1999. № 18. С. 20–21.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 9324, оп. 2, д. 60, л. 147–151.

Поступающих часто брали на срочные военные сборы на период сдачи вступительных экзаменов, иногда отказывали в прописке уже принятым. С 1959 г. отсрочку от призыва в армию перестали давать даже учащимся выпускных курсов, в семинарии стали принимать только отбывших воинскую службу. Время подачи заявлений абитуриентами было ограничено 1 августа. За месяц, остающийся до вступительных экзаменов, списки их пересылались в Совет по делам Русской православной церкви, а оттуда заинтересованным уполномоченным на места для обработки юношей.

В начале 1960-х гг. эти акции переросли в настоящую охоту за каждым желающим поступить в семинарию или Академию. В результате принятых мер число учащихся стало уменьшаться. Так была подготовлена почва для ликвидации духовных учебных заведений, что вело к прекращению «воспроизводства» кадров духовенства. Краткосрочные пастырские курсы, частично выполнявшие эту задачу в 1944–1950-х гг., также были окончательно запрещены. 17 июля 1959 г. под нажимом властей Учебный комитет Патриархии принял решение о постепенном свертывании единственного в стране заочного сектора Ленинградских Духовных школ. Архиереям не рекомендовалось делать взносы на содержание конкретных Академий и семинарий. Вскоре одно за другим закрылись пять из восьми средних духовных учебных заведений.

Резко ухудшилось и положение Ленинградских Духовных школ. Если в 1958 г. на первые курсы дневного отделения Академии и семинарии было принято 60 учащихся, то в 1961 г. из-за противодействия уполномоченного в два раза меньше — 30 человек. Общее же число учащихся снизилось к 1962 г. более чем вдвое — до 357 (164 на дневном отделении и 193 на заочном). Постоянно чинились препятствия к поступлению лиц с высшим образованием, и в итоге за 1958–67 гг. их было принято только три человека. Особенно тяжело ощущалось фактическое запрещение выпускникам получать места на приходах. 2 декабря 1959 г. в ходе задуманной партийными органами идеологической акции порвал с Церковью и стал антирелигиозным агитатором

профессор Ленинградской Духовной Академии А. А. Осипов, еще в июне 1955 г. лишенный священного сана за второй брак. Эта операция была согласована с органами госбезопасности. Через полторы недели после официального отречения в отдел пропаганды ЦК КПСС поступили два аналитических обзора Осипова «Об общем положении Православия в СССР» и «Об антирелигиозной работе», написанных им по заданию КГБ.⁴

Постепенно были закрыты все производственные мастерские епархии. В конце 1958 г. пришлось ликвидировать производство ладана и кадильного угля, а 4 ноября — из-за отказа завода им. Ломоносова снабжать сырьем — закрыть знаменитый цех фарфоровых иконок, изготовивший в 1957 г. подарки для участников Всемирного фестиваля молодежи и студентов. С 1 декабря 1958 г. перестала существовать и мастерская по пошиву церковных облачений. 1 мая 1963 г. из-за прекращения поставки алюминия пришлось закрыть мастерскую по производству нательных крестиков, а 1 октября отказаться от выпечки потребительских просфор, ограничившись служебными.

Еще в ноябре-декабре 1958 г. произошла массовая чистка библиотек приходов и Духовных школ, многие книги были изъяты, иностранная литература поставлена на цензорский контроль. Для ограничения поступления новых изданий выпустили «Инструкцию о порядке пропуска в СССР религиозной литературы и предметов религиозного культа». В плане атеистической работы в Ленинградской области на 1961 г. было записано: «Запретить использование как приходской церкви при семинарии и академии». В этом году прихожанам действительно запретили посещать храм Духовных школ с целью изолировать их от народа, а верующих отрешить от влияния духовного расадника. Летом 1961 г. в здании Академии пришлось разместить изгнанное из своих прежних помещений Епархиальное Управление, на первом этаже в правом крыле в небольшой квартире были также размещены покои митрополита и устроена Крестовая церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы.

⁴ РГАСПИ, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 85–89, 255–266.

В том же году встал вопрос уже о самом существовании Академии и семинарии. Еще в отчетно-информационном докладе Ленинградского уполномоченного И. В. Чернова в Совет по делам Русской православной церкви от 24 февраля 1961 г. говорилось: «В настоящем отчете считаю так же необходимым поставить вопрос о ликвидации функционирующих в Ленинграде духовных учебных заведений: семинарии и академии. Закрытие духовных школ в Ленинграде вызывается рядом существующих причин. Во-первых, семинария и академия расположены в центре города (Обводный канал, дом № 7). Одно это обстоятельство говорит за то, что не целесообразно иметь рассадники религиозного мракобесия в Ленинграде, городе передовой советской науки и культуры. Во-вторых, в результате работы местных, партийных, комсомольских, советских органов и Уполномоченного Совета с лицами, желающими поступить в духовные школы, набор учащихся с каждым годом резко сокращается.... Если к этому добавить, что в данное время необходимо постепенно свертывать деятельность церковных объектов, то спрашивается, для чего же нужно иметь духовные школы в Ленинграде?»

В органы советской власти стали поступать и другие предложения о полной ликвидации Ленинградских Духовных школ. Одним из таких примеров является письмо члена коммунистической партии с 1918 г. А. Е. Петрова Хрущеву от 27 августа 1962 г.: «Дорогой Никита Сергеевич! Прошу найти немного времени и прочитать то, о чем я часто думал и думаю и что хотел бы видеть в действительности... Есть в Ленинграде в Смольнинском районе Александро-Невская лавра — бывшая цитадель церковного мракобесия. В этой лавре все время спокойно проживал ленинградский митрополит, занимая 1609 кв. м. жилой площади, которого с большим трудом в этом году переселили в двухкомнатную квартиру. К великому сожалению, в Александро-Невской лавре до сих пор большой дом (№ 17 по Обводному каналу) занят богословской академией и духовной семинарией, где готовятся многочисленные — около 360 чел. — кадры средней и высшей квалификации для православной церкви...

23 января 1962 г. по этому вопросу беседовал я с первым секретарем Смольнинского районного комитета КПСС тов. Ананьевым... и посоветовал ему начать потихоньку сбор протоколов собраний трудящихся по организациям с требованием закрыть в Ленинграде богословскую академию и духовную семинарию. Нет сомнения, что трудовой народ города Ленина согласится закрыть эти ненужные учебные заведения, и будет просить наше Правительство прекратить здесь подготовку кадров мракобесов. Если же в связи с международными условиями закрыть их совсем нельзя, то следовало бы предложить «отцам православной церкви» переместить их куда-либо в глухой район — хотя бы за полярный круг, где из-за природных условий «продукция» этой кузницы естественно сократится».⁵

Предлагаемую акцию стали готовить постепенно. Так в 1962 г. было принято решение ликвидировать за несколько лет в Ленинградской Академии единственный в стране заочный сектор. Газета «Смена» целый номер посвятила «гнезду контрреволюции» в городе трех революций. В Академию перестали пускать посетителей, казалось, что крупнейший центр духовного образования обречен. Но Академия не сдавалась и в декабре 1962 г. даже ходатайствовала о возобновлении приема в заочный сектор. В ноябре 1963 г. Ленинградское управление торговли вообще перестало выдавать муку для церковных нужд. К этому времени в епархии под давлением советских властей уже была упразднена должность викарного епископа. Все более реальной становилась угроза и для существования Духовных школ.

Бывший инспектор Ленинградской Академии и семинарии архимандрит Августин (Никитин) в своих воспоминаниях отмечал: «Перед назначением митрополита Никодима в Ленинград ходили упорные слухи о том, что Духовные школы будут закрыты. За несколько недель до его приезда в Академический храм перестали допускать верующих под тем предлогом, что храм не является приходским. Все говорили, что школа существует последний год. Храмы и духовные семинарии

⁵ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 76, л. 47, д. 84, л. 126, д. 88, л. 55.

закрывались по надуманной причине так называемого «укрупнения». На страницах местной прессы коммунисты-атеисты бились в истерике: до каких пор «темное пятно», «рассадник мракобесия» будет позорить наш город — «колыбель трех революций»? Это было идеологическое обеспечение той негласной работы, которая неуклонно приближала «день закрытых дверей». Им надо было управиться к 1967 г. — 50-летию Октября».

В этот критический момент произошла смена управляющих епархией. Митрополит Никодим (Ротов), еще формально не занимая Ленинградскую кафедру, проявил инициативу для проведения годовичного акта 9 октября 1962 г. на высоком уровне. В Ленинград были командированы непосредственно связанные по роду своего служения с Отделом внешних церковных сношений епископы Таллинский и Эстонский Алексий (будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси) и Звенигородский Владимир (Котляров), а также епископ Кировский и Слободской Иоанн (Иванов). Была на празднике и церковная делегация из США. В эти дни митрополитом Ленинградским и Ладожским был назначен Владыка Никодим. По словам самого митрополита, «одна из причин, которая была решающей, когда совершалось мое избрание на Ленинградский митрополичий престол, была та, чтобы служить, насколько это возможно, для Ленинградской Духовной академии».

С 1963 г. 9 октября стал не только престольным праздником академического храма и официально — актовым днем Ленинградских Духовных школ, но и национальным праздником значительной части ее чернокожих студентов (в этот день в 1962 г. была провозглашена независимость Уганды). По мудрому решению митрополита Никодима, знавшего о ярко выраженных симпатиях Н. С. Хрущева к освободившимся от «колониального гнета» африканским странам, в Ленинград для получения духовного образования были приглашены семь юношей — христиан из Восточной Африки (Кении и Уганды). Прибывшие в «северную столицы» в сентябре 1963 г. молодые африканцы стали своеобразным «живым щитом», прикрывшим Академию

в последний особенно ожесточенный год антирелигиозных гонений. Ввиду их присутствия ленинградские власти не решились начать кампанию по закрытию Духовных школ.

Митрополит Никодим помогал Духовным школам выстоять и с помощью других мер. Как председатель Отдела внешних церковных сношений он стал энергично включать Академию в международную деятельность (имевшую особое значение для советского руководства): в нее «зачастили» иностранные делегации, члены профессорско-преподавательской корпорации стали больше ездить на различные богословские конгрессы, конференции и т. д.

В день прибытия в «северную столицу», в субботу 26 октября митрополит Никодим после торжественной встречи молился за всеобщим бдением в храме Духовной Академии. 29 октября он посетил лекции, а уже 31 октября Владыка был избран Советом Академии ее почетным членом.

С самого начала своего пребывания на кафедре Владыка стал уделять особое внимание учащимся Духовных школ. Так, 1 февраля он написал резолюцию о необходимости оборудовать помещение, занимаемое 2-м курсом, под постоянную комнату отдыха со стационарной установкой для просмотра кинофильмов, отметив, что необходимые средства будут отпущены Ленинградской митрополией. В этот же день последовала резолюция о недопустимости пропуска богослужений студентами-священниками: «Об этом прошу всегда сообщать мне для соответствующего вразумления неусердных...». Митрополит предложил к 20 февраля представить план воскресных бесед преподавателей с учащимися до конца учебного года.

Снова начали проводиться монашеские постриги учащихся, фактически запрещенные раньше — с рубежа 1950-х — 1960-х гг. студенты Ленинградской Духовной академии могли постричься только на каникулах, договорившись со знакомым архиереем. Первым в Вербное воскресенье 1964 г. митрополит Никодим постриг студента 3-го курса Академии протоиерея Андрея Крячко. Значительно выросло количество посещавших Ленинградские Духовные школы иностранных церковных делегаций.

Владыка Никодим, как мог, старался продлить работу заочного сектора, пользуясь разрешением вновь принимать в него священнослужителей, ранее по различным причинам прервавших обучение. Так 23 января 1964 г. был восстановлен на 3-м курсе заочного отделения Академии архиепископ Прешевский Дорофей (Филипп), прервавший учебу в 1955 г. в связи с отъездом в Чехословакию и т. д.

Это, естественно, вызывало негативную реакцию советских властей. Так в ответном сообщении Ленинградского уполномоченного Г. С. Жаринова на запрос председателя Совета по делам Русской православной церкви В. А. Куроедова о приеме новых учащихся на заочное отделение Ленинградских Духовных школ от 26 марта 1964 г. говорилось, что в 1963/64 учебном году по направлениям Учебного комитета на учебу были приняты шесть заочников, а их общая численность на 1 марта составила 99 человек: в семинарии — 60 и в Академии — 39. В конце своего сообщения Жаринов отмечал: «Для быстрейшего закрытия заочного сектора в Ленинграде целесообразно, чтобы лица, оканчивающие в Ленинграде семинарию по заочному сектору не переводились бы на заочное отделение Ленинградской духовной академии...».

Вскоре после переезда в «северную столицу» Владыка Никодим устроил в Академии первый праздник церковной науки — в воскресенье 2 февраля 1964 г. в актовом зале состоялась успешная защита магистерской диссертации «Введение в изучение Четвероевангелия (историко-критическое обозрение)» ректором доцентом протоиереем Михаилом Сперанским. На ней, помимо членов корпорации, присутствовали сам митрополит Никодим, будущий Патриарх, епископ Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер) и представители Московской Духовной Академии. 31 марта Совет Академии постановил удостоить степени доктора богословия за издание серии «Огласительных слов преподобного Симеона Нового Богослова» и многолетнюю плодотворную научную деятельность архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина).

При этом большую часть 1964 г. продолжался последний и наиболее ожесточенный натиск на Церковь. 10 ноября 1963 г. председатель КГБ В. Семичастный представил в ЦК КПСС обширную справку о негативной деятельности церковников и сектантов, которые «оказывают серьезное реакционное, а в ряде случаев враждебное влияние на определенную часть населения, мешают делу идеологического воспитания трудящихся».⁶

Через пару недель факты из нее уже использовались как главные аргументы в докладе секретаря ЦК Л. Ф. Ильичева на расширенном заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС (20–26 ноября). По указанию Н. С. Хрущева комиссией были приняты «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения», носившие характер грандиозной программы искоренения религии в стране. Особое место в ней отводилось работе с верующими, антирелигиозному воспитанию детей и подростков. Для этого предполагалось: «Усилить антирелигиозную направленность школьных программ... Широко использовать для атеистического воспитания школьников различные формы внеклассной работы: клубы, уголки атеистов, лекции, беседы, вечера, экскурсии, кино, театры» и т. д.⁷

Оформленные 2 января 1964 г. как постановление ЦК, эти мероприятия стали «государственным планом преодоления религиозного сознания масс». В своей программной статье в январском номере журнала «Коммунист» Л. Ф. Ильичев еще более усилил зловеющий смысл постановления. Перед партийными организациями фактически ставилась утопическая задача через 12–17 лет в соответствии с Программой КПСС «полностью освободить сознание советских людей от пережитков старого строя, в том числе от религиозных предрассудков».⁸

Антирелигиозная истерия захлестнула страну. В вузах в качестве обязательного или факультативного курса были введены

⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 5, оп. 55, д. 10, л. 205.

⁷ Там же, ф. 72, оп. 1, д. 13, л. 22–23.

⁸ *Ильичев Л. Ф.* Формирование научного мировоззрения и атеистическое воспитание // *Коммунист*. 1964. № 1. С. 24.

«Основы научного атеизма», значительно усилилась антицерковная направленность школьных программ, в Академии общественных наук при ЦК КПСС появился институт научного атеизма. Как обычно, в первых рядах безбожников шел комсомол, в июле ЦК ВЛКСМ предлагал партийному руководству запретить любую деятельность церковников по приобщению к религии детей и подростков, установив за нее уголовную ответственность.⁹

Новое небывалое наступление на Церковь вызвало массовое возмущение и сопротивление духовенства. 19 марта 1964 г. Совет по делам Русской православной церкви доложил в ЦК КПСС о почти всеобщей негативной реакции священников и архиереев на заявление Ильичева, в том числе митрополитов Никодима (Ротова) и Иоанна (Вендланда), протоиереев Александра Медведского, Всеволода Шпиллера и др.¹⁰ 3 марта председатель Совета В. Куроедов написал лично Л. Ильичеву о том, что митрополит Никодим по поводу его статьи заявил: «Из данной статьи вытекает, что партия и правительство терпимо относятся к религиозным убеждениям, поскольку они еще имеются, но воинствующий дух статьи говорит о том, что настало время решающего нажима по всему фронту на религию, и конечно, не только средствами идеологии. Я считаю, что это неизбежно обострит в нашей стране религиозный вопрос, что вряд ли будет полезно для советского государства, так как может вызвать недовольство верующих и дать повод за границей для враждебной пропаганды. Мне кажется, что в статье опасность религии переоценивается».¹¹

Между тем все проведенные в первой половине 1960-х гг. советскими властями антирелигиозные акции, в том числе по уменьшению религиозной обрядности, насаждению вместо церковных таинств и обрядов гражданских праздников и ритуалов, не привели к желаемым результатам. Устойчивое влияние Церкви на молодое поколение на уровне семейной

⁹ РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 72, л. 102–109, 112; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 529, л. 58.

¹⁰ РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 72, л. 49–60.

¹¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 2136, л. 9–9 об.

традиции сохранялось. Конечно, наступление на Духовные школы и закрытие большей части семинарий заметно обострило кадровый вопрос гонимой Церкви. Однако антирелигиозные меры существенным образом не повлияли на желание православной молодежи получать богословское образование в Духовных семинариях и Академиях, что можно считать своеобразной церковной реакцией на гонения. В 1964 г. на первые курсы дневного отделения Ленинградской Академии и семинарии было принято, как и в прошлом году, 32 абитуриента.

Однако советские власти не оставляли своих планов закрыть Ленинградские Духовные школы. Одну из главных помех этому — семь учащихся-африканцев из Уганды и Кении попытались любыми способами заставить покинуть Академию. 15 сентября 1964 г. под сильным давлением четверо африканцев перешли учиться в Ленинградский университет и затем, по заданию советских властей, пытались переманить туда трех не последовавших за ними соотечественников. Так, в заявлении преподавателя русского языка Академии О. П. Носовой митрополиту Никодиму от 17 октября 1964 г. говорилось: «Уговаривают каждого в отдельности из оставшихся перейти в Университет, предлагают деньги (соблазняя их большой стипендией), звонят, поджидают их на улице, запугивают и даже угрожают. Так они заявили Нянзи, что если он будет продолжать учиться в Духовной Академии, то в дальнейшем ему будет закрыт доступ в любую советскую высшую школу. От имени Ига Джастина написали в Москву, в Министерство высшего образования и в ЦК ВЛКСМ, письмо с просьбой о его переводе на подготовительный факультет. Не исключена возможность, что подобное письмо они напишут от имени Нянзи и Касози. Ни на один день они не оставляют в покое студентов-африканцев Духовной Академии»¹².

23 ноября Ига Джастин все-таки ушел на подготовительное отделение Ленинградского университета. Однако вскоре митрополит Никодим добился, чтобы преследование двух

¹² Там же, д. 93, л. 126, ф. 2017, оп. 1, д. 15, л. 92.

оставшихся в Академии африканцев прекратилось. 13 марта 1965 г. он совершил чин присоединения А. Нянзи и А. Касози к Православной Церкви. Более того, Владыка предварительно договорился со священноначалием Эфиопской Церкви о присылке в «северную столицу» студентов из этой страны. Уже в 1965 г. был образован особый факультет африканской христианской молодежи, деканом которого в 1965–1966 гг. был протоиерей Михаил Мудьюгин — бывший доцент Ленинградского горного института.

6 декабря 1964 г. преподаватели и учащиеся Духовных школ участвовали в праздновании памяти святого князя Александра Невского. Присутствовавшие на празднике многочисленные зарубежные гости посетили Академию, в том числе епископ Бруклинский Досифей. В целом количество посещавших Ленинградские Духовные школы иностранных церковных делегаций оставалось значительным. 8–10 апреля в актовом зале Ленинградской Академии состоялось заседание проблемной богословской комиссии Христианской мирной конференции на тему «Ответственность Церквей за международный мир», в котором участвовали несколько зарубежных православных архиереев, в том числе Антиохийского Патриархата. Шесть членов академической корпорации участвовали в работе Отдела внешних церковных связей, постоянно совершая зарубежные поездки: профессор Н. Д. Успенский, профессор-протоиерей Виталий Боровой, доценты-протоиереи Ливерий Воронов, Иоанн Белёвцев, доценты Н. А. Заболотский и А. Ф. Шишкин. В 1964 г. первая после 1914 г. официальная паломническая делегация Русской Православной Церкви во главе с начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандритом (впоследствии — митрополитом) Ювеналием (Поярковым) посетила Святую Гору Афон. В состоявшей из 14 человек делегации были преподаватели Ленинградской Духовной Академии.

Продолжала развиваться научная деятельность. 3 февраля Совет Академии утвердил темы магистерских диссертаций епископа Омского и Тюменского Николая (Кутепова) и епископа Полтавского и Кременчугского Феодосия (Процюка). 18 февраля

Совет решил считать закончившим Академию митрополита Пражского и всея Чехословакии Дорофея (Филиппа) и присвоил ему степень кандидата богословия (12–19 февраля Владыка был в Академии).

Поражению Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г. и снятию его со всех своих постов сопутствовало почти немедленное смягчение антицерковных нападок. Руководство СССР фактически было вынуждено признать свое поражение. Откровенные антирелигиозные гонения не принесли желаемых для властей результатов, Церковь сумела выстоять, доказать бесперспективность любых попыток уничтожить ее. «Хрущевская» кампания явно провалилась, она противопоставляла верующих и советскую систему вместо того, чтобы обратить людей в атеистов; загнала религиозную жизнь в подполье, что было для режима опаснее, чем открытая религиозность; привлекла симпатии многих неверующих, безразличных людей к страданиям верующих, пробудила интерес мировой общественности к положению Церкви в Советском Союзе.

Хотя антирелигиозные гонения 1958–1964 гг. нанесли серьезный удар по религиозности молодежи, они не смогли полностью подорвать влияние Церкви в ее среде, о чем свидетельствует довольно высокий уровень религиозной обрядности: крещений и венчаний. Стабильность статистических показателей церковной обрядности свидетельствовало о востребованности молодым поколением Церкви как духовного и социального института вопреки антирелигиозным установкам советских идеологов. И это стало основой для нового развития Духовных школ.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации, ф. 2017, оп. 1, д. 15, ф. 6991, оп. 1, д. 93, 2136, оп. 2, д. 258, 529.
2. Российский государственный архив новейшей истории, ф. 5, оп. 55, д. 10, 72, ф. 72, оп. 1, д. 13.
3. Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 5, оп. 16, д. 704, оп. 33, д. 126.
4. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 9324, оп. 2, д. 60, 76, 84, 88.
5. *Ильичев Л. Ф.* Формирование научного мировоззрения и атеистическое воспитание // *Коммунист*. 1964. № 1. С. 22–25.
6. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир: К 70-летию со дня рождения // *Христианское чтение*. 1999. № 18. С. 20–21.